

Подаренные Чу Вэем часы мгновенно превратились для Хуа Жуна в самую дорогую сердцу вещь. Целый шкаф в гардеробной, ломившийся от роскошных хронографов, был безжалостно предан забвению, точно разжалованные фаворитки, отправленные в холодный дворец.

На следующее утро Сян Цин уже с рассветом стояла перед воротами, нетерпеливо ожидая, когда хозяева дома соизволят проснуться.

Прождав безрезультатно довольно долгое время и не заметив ни малейшего движения в окнах, она наконец потеряла терпение. Схватив за рукав проходившего мимо дворецкого, она возмущённо указала на часы:

— Который час? Ваш господин всё ещё дрыхнет? Солнце уже высоко!

Дворецкий выпрямился и ответил с вежливой, безупречной улыбкой:

— Госпожа Сян, мой господин проснулся на рассвете и сейчас его нет дома.

Сян Цин так и застыла с открытым ртом.

— И почему ты молчал? Получается, я тут полчаса пороги обивала зря?

Дворецкий лишь слегка склонил голову:

— Вы ведь не спрашивали, госпожа.

Сян Цин мысленно чертыхнулась. Каков хозяин, таков и слуга — оба умеют изящно трепать нервы. То ли дело Мастер Чу! Славный, вежливый мальчик, на которого хоть смотреть приятно.

Из-за охватившей её тревоги она приехала слишком рано, совсем позабыв, что это время Хуа Жун обычно посвящает утренней тренировке. Чтобы не терять время, она устроилась на диване в гостиной и принялась бездумно листать ленту в телефоне.

Дворецкий предупредительно подал ей чашку горячего чая.

Примерно через полчаса у дверей наконец слышались шаги.

Одетые в одинаковые белые спортивные костюмы, оба высокие и невероятно красивые, они шли бок о бок, словно сойдя с изысканного полотна. Сян Цин на миг залюбовалась этой безупречной картиной, но вовремя вспомнила, зачем пришла.

— Ну и копуши же вы! — воскликнула она. — Я тут уже вечность сижу!

Последние два дня она ночевала у подруги, не смея даже приближаться к собственному дому. Стоило ей получить сообщение, что они возвращаются, как она тут же помчалась сюда.

Хуа Жун лениво приподнял бровь. Благодаря часам его прекрасное настроение держалось со вчерашнего дня, и казалось, ничто в мире сейчас не способно его испортить.

— Раз уж он ещё не вернулся, к чему такая спешка?

Чу Вэй взглянул на часы и мягко улыбнулся:

— Сестра, подождите ещё немного. Я быстро приму душ, и мы вместе позавтракаем.

Сян Цин усмехнулась и бросила взгляд на Хуа Жуна:

— Малыш куда сообразительнее тебя. И где ты только откопал такое сокровище? Смотри не испорти парня своим дурным влиянием.

Хуа Жун окинул её холодным взглядом:

— Моё влияние всё равно лучше твоего общества.

Сян Цин предпочла промолчать. Спорить с этим заносчивым типом не хотелось.

Закончив с завтраком, они устроились в гостиной, чтобы обсудить дела.

Ситуация обстояла следующим образом: Сян Цин стала жертвой Проклятия влюблённых. Личность того, кто наложил заклятие, была известна, однако главная трудность заключалась в мощном шлейфе тёмной злобы, окутавшем талисман. Эта злоба исходила от невинных жертв, чья кровь использовалась для подпитки проклятия. Первым делом требовалось схватить негодяя и выяснить, откуда у него эта запретная магия.

На первый взгляд задача казалась нехитрой, но Чу Вэй предпочёл заранее разузнать все подробности. В конце концов, этот таинственный недоброжелатель нацелился на Сян Цин ещё месяца три назад.

— Расскажите, сестра, где вы его встретили? — мягко спросил Чу Вэй, сжимая в ладонях тёплую чашку с водой. Он сидел на диване, выпрямив спину, и выглядел на удивление послушным и милым домашним мальчиком. — Как завязалось ваше знакомство? Заметили ли вы в его поведении что-то странное или пугающее?

Сян Цин замялась. Некоторые подробности их бурного романа казались слишком взрослыми

для ушей этого юного создания — не хотелось развращать ребёнка раньше времени. Она неловко заёрзала, не зная, с чего начать.

Заметив её замешательство, Чу Вэй проявил чуткость:

— Есть вещи, о которых вам неловко говорить при мне?

Сян Цин мысленно вздохнула.

«Перед этим чистым мальчиком любая деталь моей личной жизни кажется верхом непристойности»

Но спасение собственной шкуры было важнее стыда. Она глубоко вдохнула и начала рассказ:

— Его зовут Цзи Хан. Ему двадцать, и мы познакомились в клубе.

Хуа Жун одарил её насмешливым взглядом. Сян Цин запнулась, но тут же огрызнулась:

— А что? Если зрелым мужчинам вроде тебя можно крутить романы с юными прелестниками, почему мне, одинокой женщине, нельзя полакомиться молодой кровью?

Чу Вэй не понимал, почему эти двое постоянно пикируются, и лишь молча переводил взгляд с одного на другого. Однако рассказ Сян Цин заставил его по-новому взглянуть на мир.

Цзи Хан подрабатывал певцом в элитном баре под названием «Ноль градусов». Ему было всего двадцать, но благодаря привлекательной внешности и глубокому, бархатному голосу он быстро стал местной звездой. «Ноль градусов» считался статусным заведением с высокими ценами, контингент там собирался обеспеченный, так что обстановка была куда спокойнее, чем в обычных дешёвых клубах. Хотя в пятничные вечера веселье там кипело вовсю.

Сян Цин заглядывала туда чаще всего. В тот вечер она как раз рассталась с очередным ухажёром, с которым повстречалась от силы дня два, и от скуки заглянула в бар. Пила она прилично, местный бармен хорошо её знал и сразу предложил новый авторский коктейль — крепкий и хмельной. Алкоголь быстро ударил в голову, и тут сквозь весёлый гул она услышала песню Цзи Хана.

Юношеский, но на удивление глубокий голос, бархатный низкий баритон мгновенно лишил её воли. Покачиваясь, она подошла ближе к сцене и с первого взгляда пропала, заворожённая его красивым лицом.

Сян Цин никогда не отличалась излишней скромностью. Руководствуясь своим незыблемым жизненным правилом — «понравился — хватай», — она тут же пошла в атаку.

Поначалу Цзи Хан мило смущался и отводил глаза, что лишь раззадорило искушённую хищницу. Перед напором Сян Цин устоять было невозможно. В итоге ту ночь они провели в отеле, а на следующий день Сян Цин, словно под гипнозом, притащила его к себе домой, где он и остался.

Рассказывала она уклончиво, но Чу Вэй уловил всю суть. Юноша впервые в жизни столкнулся с подобной лёгкостью нравов и застыл в безмолвном изумлении. Неужели для того, чтобы сойтись близко, достаточно лишь мимолётной симпатии? Он невольно погрузился в глубокие размышления.

Сидевший рядом Хуа Жун легонько щёлкнул его по лбу:

— Подобные ей легкомысленные особы — редкая аномалия. Не забивай себе голову всякой ерундой.

— Угу, — буркнул Чу Вэй, чувствуя, как предательски заалели кончики ушей.

Сян Цин, заметив его смущение, понимающе хмыкнула:

— Ой, малыш, а ты в своей скромности выглядишь куда соблазнительнее любого искушённого соблазнителя.

Хуа Жун предостерегающе прищурился:

— Ближе к делу.

Сян Цин лишь отмахнулась:

— Скучный ты человек. Жизнь ведь так коротка, не успеешь оглянуться — уже старость. А сколько несчастных случаев вокруг? К чему отказывать себе в удовольствиях? Тебе, старому сухарю, никогда не понять радости земных утех.

Пока эти двое снова не сцепились, Чу Вэй поспешил перевести разговор в конструктивное русло:

— Выходит, вы подцепили проклятие в ту самую первую ночь в отеле?

Лицо Сян Цин мгновенно помрачнело. Она неохотно кивнула:

— Скорее всего.

— И каков он в общении? — продолжил расспрашивать юноша. — Каков его характер?

Сян Цин на мгновение задумалась:

— Настоящий ласковый щенок. Невероятно нежный, заботливый, буквально не отлипает от меня. Постоянно шепчет нежности, ловит каждое желание, предугадывает любую мелочь. Несмотря на юный возраст, ухаживать он умеет так, что кружится голова.

Под воздействием Проклятия влюблённых Сян Цин говорила о нём с мягкой, мечтательной улыбкой, словно описывала мужчину своей мечты. Однако, закончив фразу, она вдруг вздрогнула, потирая предплечья:

— Боже... Это действительно я сейчас сказала?

— А что насчёт его семьи или финансового положения? — спросил Чу Вэй. — Раз уж он наложил на вас проклятие, у него должен быть мотив. Если это не страсть, значит, деньги.

Сян Цин покачала головой:

— Точно не знаю, мы ведь знакомы всего ничего. Но в ресторанах он всегда платил сам, да и бедняком не выглядел. В «Ноль градусов» платят прилично, плюс чаевые от богатых клиенток. На нищего он точно не похож.

В этот момент мобильный телефон Сян Цин издал короткий треск. Взглянув на экран, она мгновенно подобралась.

— Он приехал. Будет у меня через полчаса.

Чу Вэй оставался абсолютно спокоен. Раз уж плата принята, дело должно быть доведено до конца. Тем более что аванс уже был потрачен на прекрасный подарок для Шифу. Юноша серьёзно проинструктировал женщину:

— Не паникуйте, сестра. Ведите себя как обычно. Я буду следить за вами из засады. Если проклятие действительно его рук дело, на его теле обязательно обнаружится след тёмной печати.

Несмотря на все заверения, Сян Цин заметно нервничала. Одно дело — наслаждаться обществом ласкового парня, и совсем другое — понимать, что под шкурой этого щенка скрывается безжалостный монстр. От этой мысли у неё мороз шёл по коже.

Перед её уходом Чу Вэй достал небольшую мягкую игрушку и быстро начертил на её спинке невидимый символ.

— Возьмите это с собой, — протянул он куклу. — Всё, что окажется в поле зрения её глаз, будет транслироваться напрямую мне.

Как только Сян Цин ушла, Чу Вэй заперся в своей комнате. Хуа Жун стоял в дверном проёме, с улыбкой наблюдая за суетой своего маленького ученика, и легонько потирал ремешок новых часов.

— Чем занимаешься?

Чу Вэй аккуратно отложил кисть и подул на свежую партию жёлтой бумаги с кроваво-красной киноварью.

— Готовлю дополнительные талисманы. Если у этого мерзавца припрятан козырь в рукаве, я должен быть во всеоружии. Я ведь взял плату, а значит, обязан гарантировать полную безопасность клиента.

Хуа Жун невольно опустил взгляд на запястье. При мысли о том, на что пошли эти деньги, всё его раздражение по отношению к Сян Цин мгновенно испарилось.

Вдруг Чу Вэй резко замер на месте. Его левый зрачок подёрнулся глубокой, неестественной чернотой, отражая обстановку в чужой квартире.

— Он пришёл.

Услышав звонок, Сян Цин сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться. Пока она нужна этому монстру, он не станет действовать грубо. Она натянула привычную улыбку и распахнула дверь. Прежде чем она увидела гостя, в квартиру вплыл огромный букет алых роз.

Из-за цветов показался смущённый, слегка покрасневший Цзи Хан:

— Тебе нравится? Это для тебя, милая.

Перед очарованием этого двадцатилетнего красавца устоять было действительно сложно. Сян Цин даже не пришлось притворяться — под воздействием Проклятия влюблённых её колени мгновенно подогнулись, а сердце бешено заколотилось от прилива неестественной нежности. Она заворожённо приняла букет, вдохнула сладкий аромат роз и прошептала:

— Очень нравятся... И цветы, и ты.

Цзи Хан мягко подтолкнул её внутрь. Розы полетели на банкетку, а сами они слились в страстном объятии, жадно целуя друг друга.

Чу Вэй, внезапно ставший свидетелем столь откровенного зрелища, густо покраснел и в панике зажмурил левый глаз. Это было... чересчур.

Хуа Жун, глядя на пунцового мальчишку, сразу обо всём догадался. Он лишь покачал головой: «Вот же срам».

Связанная проклятием Сян Цин потеряла всякий контроль над разумом, а молодой жиголо и не думал упускать такую возможность. В гостиной назревала жаркая сцена.

Сердце Чу Вэя бешено колотилось, а случайно увиденный кадр словно выжгло на сетчатке. И всё же долг звал — нужно было высмотреть, куда именно наложена метка проклятия. Задача оказалась не из лёгких.

Вдруг тёплая, сухая ладонь мягко опустилась на его лицо, закрывая глаза и мгновенно обрывая духовную связь с куклой.

Над ухом раздался тихий голос Хуа Жуна, принёсший с собой тонкий аромат хвои и лесной прохлады:

— Не смотри на эту пошлость. Бери свои вещи, мы идём туда прямо сейчас.

Чу Вэй медленно открыл глаза, избавляясь от наваждения. На его щеках всё ещё горел румянец.

— Вот так просто прийти... А мы не помешаем?

Он всерьёз опасался застать парочку в самый неподходящий момент.

Хуа Жун ласково увлёк его за плечо к выходу:

— Не беспокойся. Наш визит будет как раз вовремя.

Если оставить их наедине ещё на пару минут, неокрепшая детская психика его ученика точно пострадает.

Вилла Сян Цин располагалась чуть ниже по склону. Спуститься туда пешком не заняло много

времени у тренированных практиков. В этот момент в доме Цзи Хан уже укладывал хозяйку на диван, как вдруг тишину бесцеремонно нарушил звонок в дверь.

Сян Цин попыталась подняться, но парень удержал её за запястье, жарко шепча на ухо:

— Не обращай внимания... Я так соскучился по тебе.

Под действием чар сопротивляться его шёпоту было почти невозможно, и женщина безвольно обмякла.

Но тут из-за двери раздался звонкий, чистый голос Чу Вэя, пробивший плотные стены здания:

— Сестра Сян Цин, я испёк пирожные. Не хотите попробовать?

Этот звук подействовал на её затуманенный разум подобно раскату грома среди ясного неба. Сян Цин резко пришла в себя, силой отпихнула наседавшего Цзи Хана, торопливо поправила измятую блузку и поспешила к выходу.

Цзи Хан остался лежать на диване. Он медленно стёр с губ размазанную помаду, и на мгновение его лицо исказила тёмная, злобная гримаса. Однако он быстро вернул маску нежного влюблённого и, даже не поправив расстёгнутую рубашку, последовал за ней.

Но стоило двери распахнуться, как взгляд Цзи Хана намертво прикипел к лицу Чу Вэя. Мальчишка был чертовски хорош собой — именно такой тип парней всегда нравился Сян Цин. Ревность и злость прорвали маску приличия, и он резко спросил:

— Это ещё кто?

Чу Вэй поднял глаза и встретился с ним взглядом.

Вокруг Цзи Хана клубилась едва заметная обычным людям плотная, удушливая тьма. От него разило застоявшейся кровью — столь сильной и свежей, что юношу едва не вывернуло наизнанку. Столь тяжёлый запах мог означать лишь одно: руки этого человека совсем недавно были по локоть в чужой крови. Сомнений не осталось — Проклятие влюблённых не просто принадлежало ему, он сотворил его сам.

Чу Вэй никогда не считал себя рыцарем на белом коне, но заветы Шифу помнил твёрдо: если видишь мразь — бей без жалости и сомнений.

Он сунул опешившей Сян Цин в руки коробку с пирожными и в ту же секунду растворился в воздухе. Жёлтые бумажные ленты вспорхнули с его пальцев, выстраиваясь в воздухе в простое, но прочное барьерное кольцо, намертво запечатавшее Цзи Хана в прихожей.

Сян Цин с пискom бросилась за спину Хуа Жуна. Проклятие всё ещё действовало: до смерти напуганная, она с ужасом поймала себя на мысли, что безумно переживает за своего мучителя.

«Какая же это мерзость!» — в отчаянии подумала она, зажимая уши и зажмуриваясь.

Не желая видеть этот кошмар, она просто села на край каменной клумбы у входа.

Цзи Хан моментально сообразил, что попал в ловушку. Сян Цин каким-то образом сумела раскрыть его замысел.

Хуа Жун спокойно вошёл вслед за учеником и запер за собой дверь.

Чу Вэй уставился на пленника холодным, свирепым взглядом:

— Где тела тех, кого ты погубил?

От резкого движения подол рубашки Цзи Хана задрался, обнажив подтянутый живот. На его поясице змеился отвратительный чёрный узор, похожий на живую, шевелящуюся татуировку. Заметив взгляд юноши, парень поспешно одёрнул одежду.

Вся его напускная скромность испарилась без следа. Лицо исказила хищная, зловещая усмешка:

— Так она наняла заклинателей? Надо же, а я-то думал, что действовал безупречно. Какая жалость.

Скованный барьером, он не мог сделать и шага, но держался нагло и развязно, будто верёвки на его теле были бумажными игрушками. Чу Вэй интуитивно почувствовал подвох, но внешне противник ничем себя не выдавал. Стало ясно, что добровольно этот тип говорить не станет. Что ж, Чу Вэй и сам недолюбливал сложные плетения, предпочитая старый добрый рукопашный бой.

Но стоило ему начать снимать барьер, как Цзи Хан резко изменился. Его хрупкое тело начало неестественно раздуваться, мышцы бугрились под кожей, а клубящаяся вокруг тёмная энергия рванула вверх плотным столбом. Лицо исказила жуткая гримаса:

— Ха-ха-ха! Сопляк, ты действительно думал, что сможешь удержать меня этой дешёвой жестянкой?!

Тёмный практик с рёвом прорвал остатки барьера и обрушил на Чу Вэя тяжёлый удар кулака, заряженный мёртвой силой.

Чу Вэй мгновенно среагировал: одним резким толчком ладони он отбросил стоявшего рядом Хуа Жуна в безопасный угол, а сам ужом скользнул в сторону.

«Эх, продешевил я с этой девицей... Работы тут явно больше, чем на сто тысяч», — лениво подумал он.

Тяжёлый кулак промахнулся, со свистом рассёк воздух и с оглушительным грохотом врезался в прочную стальную дверь. Металл жалобно прогнулся, оставив глубокую вмятину, а ударная волна смела со столика в прихожей дорогую фарфоровую вазу, осколки которой со звоном разлетелись по полу.

Чу Вэй понял, что недооценил силу этого безумца.

Быстро оглядевшись, он заметил на стене декоративный шёлковый зонтик на бамбуковой ручке. Оттолкнувшись от лакированного журнального столика, юноша взмыл под потолок и сорвал зонтик со стены. Одним резким движением он ободрал шёлковую ткань, оставив в руке лишь прочный бамбуковый остов.

Цзи Хан, взбешённый промахом, развернулся и снова ринулся в атаку.

В критические секунды разум Чу Вэя работал безупречно. Перехватив бамбуковую трость как меч, он встретил летящий в лицо кулак противника.

Столкновение чистой духовной энергии и смрадной злобы породило мощный воздушный вихрь. Во все стороны полетели ошметки мебели, штор и разбитого стекла.

Слыша доносившийся изнутри грохот и звон лопающегося стекла, Сян Цин трясущимися руками вытащила телефон. Масштаб бедствия превзошёл все её ожидания — юный Мастер Чу мог просто не справиться с этим монстром в одиночку. Нужно было срочно вызывать полицию.

Тем временем в гостиной не осталось ни одного целого предмета. Всё превратилось в сплошное крошево, и лишь бамбуковый стержень в руке Чу Вэя не получил ни единой царапины. В этот момент юноша мысленно воздал хвалу Шифу за его изнуряющие тренировки.

Цзи Хан тяжело дышал, потрясённый тем, что его сокрушительный удар наткнулся на непреодолимую стену.

Чу Вэй холодно усмехнулся. Его обычно мягкое лицо сейчас казалось высеченным из чистейшего льда, а в глазах сквозило глубокое презрение:

— Жить как человек тебе наскучило, решил податься в чернокнижники? Скользнул на тропу зла — готовься держать ответ. Сегодня я упокою души тех, кого ты загубил, а тебя отправлю на суд.

— Сперва одолей меня, щенок! — прорычал Цзи Хан.

Тёмная аура вокруг него сгустилась до предела, температура в помещении мгновенно упала ниже нуля, покрывая обломки мебели инеем. Парень разжал ладонь, являя миру странный глиняный сосуд размером с кулак. Из горлышка потянуло столь омерзительным могильным хладом, что дышать стало трудно. С безумным хохотом Цзи Хан швырнул сосуд в воздух.

Комната погрузилась во тьму, и из разбитого горлышка с жутким воем вырвался рой свирепых призраков. С оскаленными пастьми они устремились прямо на Чу Вэя.

Оказалось, этот безумец занимался созданием и укрощением злых духов. На подобное святотатство шли лишь законченные камикадзе: заигрывание с загробным миром неминуемо сжигало жизненную силу практика. Чем больше призраков подчинял себе некромант, тем быстрее он отправлялся в могилу. Это было медленное самоубийство.

Чу Вэй отбросил бамбуковую палку и веером метнул зажатые между пальцами талисманы.

При столкновении освящённой бумаги с призрачной плотью воздух взорвался снопом искр. По комнате заметались молнии, загрохотало так, будто прямо в гостиной бушевала гроза.

Сян Цин снаружи испуганно уставилась на пляшущие в окнах сполохи света:

— Мамочки... Я что, в кино про кунг-фу попала?

Талисманы прекрасно справлялись с нежитью, но орда голодных духов казалась бесконечной. Они были на удивление свирепы и сильны, не рассеиваясь от одного удара. Чу Вэй, полностью поглощённый битвой, не заметил, как Хуа Жун бесшумно скользнул к упавшему бамбуковому стержню и поднял его. Цзи Хан тоже упустил этот момент, упиваясь своим кажущимся превосходством.

Взбежав по ступеням на второй этаж, Чу Вэй метнул очередное заклинание, но в этот миг из завихрений тьмы за его спиной соткалась жуткая тварь и разинула пасть, готовясь вцепиться юноше в шею.

Вдруг перед глазами мелькнул белый рукав. Тёплая, сильная рука мягко, но властно обхватила Чу Вэя за талию, прижимая к надёжной груди, а над ухом раздался спокойный бархатный голос:

— Чтобы упокоить тварь, вовсе не обязательно переводить бумагу. Когда в твоих руках меч, а в разуме — воля, оружием становится любая вещь. Смотри и запоминай.

Чу Вэй замер, на мгновение ему показалось, что перед ним стоит его загадочный Шифу — те же движения, та же подавляющая сила.

Простой бамбуковый стержень в ладони Хуа Жуна вспыхнул ослепительным серебряным сиянием, превращаясь в грозный клинок чистейшего света. Юноша заворожённо следил за каждым взмахом. Там, где пролетал импровизированный меч, чернейший туман рассеивался без следа, а злобные призраки с жалобным визгом таяли в воздухе.

Всего пара вздохов — и от полчища монстров не осталось и следа.

Чу Вэй стоял раскрывая рот.

Остаточная волна духовной энергии ударила в грудь Цзи Хана. Тёмный практик кубарем покатился по полу и с силой врезался в стену. Прочная бетонная перегородка пошла глубокими трещинами.

Смертоносный холод мгновенно отступил, уступая место мягкому солнечному теплу.

Чу Вэй даже не взглянул на поверженного врага, его глаза были устремлены на Хуа Жуна.

— Ты... как ты это сделал?

Хуа Жун лукаво прищурился и склонил голову набок:

— Ну как? Выглядел круто?

— Потрясающе, — честно признался Чу Вэй.

Цзи Хан лежал в луже собственной крови, не в силах даже пошевелить пальцем. С улицы донёлся нарастающий вой сирен.

Чу Вэй не спеша подошёл к поверженному врагу. Чернокнижник до последнего верил в свои силы, но никак не ожидал, что главным его кошмаром станет не этот смазливый мальчишка, а бледный, болезненного вида мужчина, стоявший позади. Стоило Хуа Жуну бросить на него случайный взгляд, как душу Цзи Хана сковал леденящий первобытный ужас. Против этого человека он был ничем — песчинкой перед лицом урагана.

— Говори, — холодно потребовал Чу Вэй, наклоняясь над ним. — Где тела девушек, чьей кровью ты питал проклятие?

Цзи Хан хрипло расхохотался, сплёвывая кровь на разбитый паркет:

— Снять заклятье захотели? Хрен вам! Сдохну я — и эта сука отправится на тот свет вслед за мной! Можете даже не пытаться!

Вой сирен раздавался уже под самыми окнами.

Чу Вэй хищно прищурился, и на его губах заиграла опасная, почти зловещая улыбка:

— Неужели ты думаешь, что твоё молчание меня остановит?

Сердце Цзи Хана пропустило удар. Он попытался отползти назад, упираясь ладонями в обломки кирпичей:

— Что... что ты задумал?

Чу Вэй присел перед ним на корточки:

— Слышал когда-нибудь о Поиске Души?

Эта запретная техника не имела ничего общего со светлым учением даосизма. Процесс разрывал разум жертвы на куски, причиняя невыносимые муки. Легенды гласили, что многие практики предпочитали добровольно оборвать свою жизнь, лишь бы избежать этой пытки.

Будучи чернокнижником, Цзи Хан прекрасно знал, о чём идёт речь. Его глаза расширились от ужаса. Он не мог поверить, что этот чистый, похожий на небожителя юноша владеет столь мрачным искусством.

Чу Вэй не стал тратить время на лишние разговоры. Он просто опустил ладонь на макушку парня и закрыл глаза.

Ворвавшиеся в дом полицейские застыли на пороге от открывшейся картины: разнесённая в щепки гостиная, распластавшийся без сознания Цзи Хан и бледный Чу Вэй, без сил лежащий на руках у Хуа Жуна.

Сян Цин, протиснувшись сквозь кордон, в панике закричала:

— Что с ним?! Он ранен?!

Хуа Жун окинул Цзи Хана ледяным, полным отвращения взглядом. На его лице читалась глубокая ярость.

Старший наряда быстро оценил обстановку и понял, что обычным протоколом тут не обойтись — дело явно пахло мистикой и требовало немедленного вмешательства Особого отдела. Сян

Цин сидела на крыльце, обхватив голову руками. Только сейчас до неё дошло, в какую бездну она едва не рухнула.

Не говоря ни слова, Хуа Жун бережно поднял спящего юношу на руки и направился к выходу, предоставив полиции разбираться с последствиями погрома.

Чу Вэй погрузился в тяжёлый, бесконечный сон — сказывались последствия ментального слияния при Технике Поиска Души. Перед его мысленным взором нескончаемой лентой потянулись чужие воспоминания, полные боли и безумия.

Мрачные застенки, где, точно скот на бойне, томились истощённые люди с потухшими взглядами. Там не было ни единого лучика света — лишь гробовая, удушливая тишина подземного ада.

Картинка сменилась. Огромный бурлящий резервуар, до краёв наполненный тёмной кровью, а в самом его центре — прекрасный белоснежный лотос, лепестки которого медленно наливались багровым цветом, впитывая чужую жизнь.

Новое видение: тесная каморка, в которой сидели связанные испуганные девушки. Совсем юные, лет восемнадцати-девятнадцати, они беззвучно плакали, их хриплые крики о помощи тонули в каменных стенах.

Чу Вэй метался во сне, заново переживая тёмные, извращённые эмоции маньяка — упоение собственной безнаказанностью, жестокость и леденящий восторг от осознания власти над чужими жизнями.

— Вэйвэй, проснись. Чу Вэй, открой глаза! — донёсся до него сквозь пелену кошмара знакомый голос.

Юноша резко распахнул глаза. Над ним белел знакомый потолок его собственной спальни. В комнате пахло сухими травами и деревом — этот родной аромат мгновенно принёс облегчение. Повернув голову, он увидел сидящего у постели Хуа Жуна.

Чу Вэй снова зажмурился, стирая со лба холодный пот. Его голос звучал хрипло и надрывно:

— Я видел их... Тех бедных девушек, чьей кровью он питал проклятие. Совсем молодые, почти мои ровесницы. Цзи Хан — настоящий монстр. Он не убивал их сразу, а медленно цедил кровь день за днём, пока жизнь окончательно не покидала тела. Это так жестоко... Как земля вообще носит таких тварей?

Его бережно прижали к себе. Окутанный знакомым, успокаивающим ароматом хвои и лесной прохлады, он почувствовал, как уходит дрожь.

— Твоё имя — Чу Вэй, а не Цзи Хан, — негромко и ласково проговорил мужчина, баюкая его на руках. — Ты сумел вырваться из его грязных воспоминаний. Всё позади, малыш, забудь об этом. Спи. Утро вечера мудренее, когда ты проснёшься, всё пройдёт.

Пальцы Хуа Жуна мягко скользнули по его волосам, и тончайшая струйка чистой, прохладной духовной энергии влилась в меридианы юноши, умиряя бушующий разум.

Чу Вэй доверчиво прижался к его плечу и мгновенно провалился в глубокий сон. На этот раз кошмары отступили, уступив место покою и безмятежности.

Убедившись, что мальчик крепко спит, Хуа Жун заботливо поправил одеяло и бесшумно вышел за дверь. Но стоило ему оказаться в коридоре, как мягкость сошла с его лица, оставив лишь суровую, ледяную маску.

Закрепив на двери спальни Талисман Сна, он стремительно спустился вниз, сел в машину и уехал в ночь. Нужно было раз и навсегда разобраться с этим делом.

Он мысленно ругал себя за оплошность. И надо же было этому сорванцу проявить такую безрассудную смелость! Подумать только, применил запретную технику Поиска Души!

Это тёмное искусство не зря считалось табу. Мало того что жертва испытывала адские муки, так ещё и сам заклинатель принимал на себя колоссальный ментальный удар, соприкасаясь с грязными мыслями и пороками чужого разума. При нехватке опыта можно было легко сойти с ума, перепутав собственное «я» с личностью жертвы.

Хуа Жун злился на глупость ученика, но больше всего — сочувствовал ему. Последствия такого ментального отката могли преследовать юношу ещё несколько дней.

Чу Вэй пришёл в себя глубокой ночью. В комнате царил непроглядный мрак, но для его тренированного зора темнота не представляла помехи, так что включать свет он не стал.

Тихо отворив дверь, он спустился на первый этаж. Живот требовательно урчал, а в горле пересохло. Будить прислугу среди ночи было неудобно, поэтому он самостоятельно пробрался на кухню и заглянул в холодильник. Однако там обнаружились лишь свежие овощи да сырые заготовки — ничего, чем можно было бы быстро перекусить.

В голове шумело. Чу Вэю казалось, будто его телом управляет кто-то чужой, хотя все движения он совершал осознанно.

«Что со мной происходит?»

В темноте перед глазами вновь замелькали отрывки чужой жизни: грязные подвалы, плачущие пленницы, запах сырости и запекшейся крови. Воспоминания накатывали тяжёлыми волнами,

сдавливая виски.

Не выдержав, юноша застонал и опустился на пол, обхватив голову руками.

— Сосредоточься. Очисти разум и отпусти чужую боль. Чу Вэй, вспомни, чему я тебя учил.

Этот спокойный, бесконечно родной голос заставил его вскинуть голову. Перед ним стоял Шифу, которого он не видел уже очень давно.

— Шифу! — выдохнул он с нескрываемой радостью.

Стоило мастеру появиться, как туман в голове рассеялся, уступая место спасительной ясности. Чу Вэй растерянно осмотрелся, не понимая, как очутился на полу кухни.

— Шифу... Что со мной?

Он недоверчиво осмотрел свои ладони, но не заметил никаких изменений. Однако мгновение назад он действительно едва не потерял контроль над собой.

Лицо наставника оставалось строгим:

— Ты совсем страх потерял, раз решился на Поиск Души? Разве я не предупреждал тебя, что эта техника смертельно опасна и прибегать к ней можно лишь в крайнем случае?

Чу Вэй виновато шмыгнул носом и понурился:

— Простите, Шифу. Я виноват.

Сам Хуа Жун в этот момент находился далеко от дома и никак не ожидал, что его подопечный очнётся посреди ночи — по его расчётам, крепкий сон должен был продлиться до самого рассвета. Но опасения подтвердились: ментальный след Цзи Хана спровоцировал сильные галлюцинации. Самостоятельно справиться с таким наваждением было невозможно — требовался толчок извне, чтобы вернуть сознанию почву под ногами. Глядя на поникшего юношу, Шифу не нашёл в себе сил злиться. Сердце сжалось от жалости.

Протянув руку, Хуа Жун с помощью духовной силы неосознано коснулся его макушки:

— Возвращайся в постель. Если не сможешь заснуть — погрузись в медитацию. Через пару дней всё нормализуется.

Чу Вэй послушно кивнул. Из-за отката не только раскалывалась голова, но и ломило всё тело,

словно после тяжёлой тренировки.

Он вернулся в спальню, и в ту же секунду образ наставника растаял в воздухе.

Усевшись на кровати и скрестив ноги, юноша прикрыл глаза и начал мысленно читать Заклинание Очищения Разума. Однако по мере того как сознание прояснялось, внутри крепло странное подозрение.

«Странно... Шифу ни капли не удивился, что я нахожусь в доме Хуа Жуна. И откуда он вообще узнал про Поиск Души? Неужели он тайно следил за мной во время боя? Но почему тогда я совсем не почувствовал его присутствия?»

В голове Чу Вэя один за другим всплывали безответные вопросы.

<http://bllate.org/book/19040/1960742>